

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Публика, конечно, любит магию, но это ни в какое сравнение не идет с тем, как она любит ее разоблачение. Так, по крайней мере, считали у Булгакова конферансье Бенгальский и председатель Акустической комиссии московских театров Семплеяров. Последний даже говорил небезызвестному Фаготу во время того самого сеанса: «Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление».

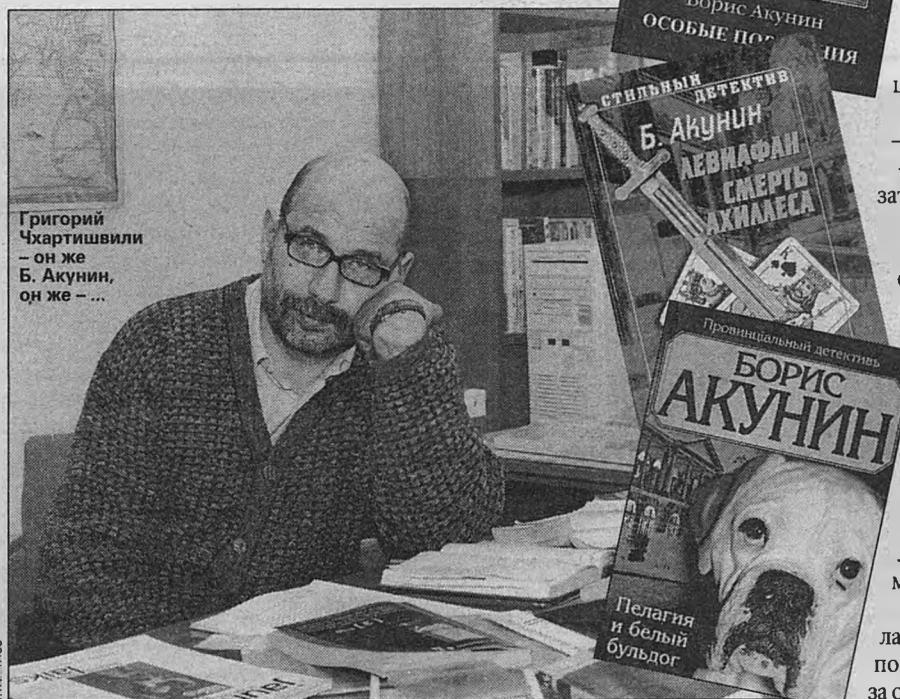
«Мягко, но решительно отстранил корреспондента и...» Так заканчивается последний роман Бориса Акунина о монашке Пелагии и белом бульдоге. Кто не любит Бориса Акунина? Кто не знает, тот и не любит. А кто знает, тот уж наверняка любит. Он — автор восьми детективных повестей и романов из «старой» жизни с милейшим Эрастом Фандориным, нашим российским Ниро Вульфом и Арчи Гудвином в одном лице. То есть он и загадки разгадывает, такие, что закачаешься, и морду преступникам бьет элегантнейшим образом, потому что постоянно тренируется со своим японским камердинером Масой. И тайна у него романтическая есть, и виски седые (отсюда несомненное мужское обаяние), и вера в победу над бандитизмом. В русской литературе такого героя, пожалуй, и не найдешь. Говорят, что, может, Павка Корчагин, но его из школьной программы исключили, и мне про него мало что известно.

Но дело было даже не в приятнейшем Эрасте Фандорине, а в самом Б. Акунине, про которого сразу было объявлено, что никакой он не Акунин (и вовсе не Бакунин), а самая настоящая загадка. Таким образом, читаешь детектив, а думаешь не о том, кто самый нехороший, а о том, кто это все написал. Например, одна известная проницательница сказала, ясное дело, женщина, кто еще так подробно может описывать туалеты и вообще внешний вид. Друзья грешили на Пелевина, кто поутреннее — на Сорокина. Так все и шло, пока не начались разоблачения.

То есть сначала обозначился очень узкий круг людей, которые предполагают, КТО такой Б. Акунин. Среди посвященных выделялся «Playboy» с Львом Данилкиным, который уже все знал и с трудом сдерживался, чтобы это все не рассказать. Поэтому он публиковал интервью с Б. Акунином и всячески намекал. Особенно упирал на Масу и Японию. Причем в конце концов обещал полное разоблачение. Но самую подлянку учинила Дуня Смирнова, написав в журнале «Афиша» буквально следующее: «Между тем при должном рвении личность г-на Акуни-

АВТОРА!!!

Кто же сочинил сыщика Эраста Фандорина? Наш корреспондент попытался это выяснить, но успех оказался скромным.

на легко угадать: в новой повести о неотразимом сыщике Эрасте Фандорине «Пиковый валет» лукавый автор даже называет свою подлинную фамилию, пользующуюся неколебимым почтением среди любителей иностранной словесности». Все! Я пролистала повесть в поисках Пелевина, Сорокина или просто Курицына. Б. Акунин оказался бы, скажем, загадочным Пелевиным. Тот, в свою очередь, Сорокиным. А последний — выдумкой литератора Курицына, который про них всех постоянно пишет.

Но, увы. Ни одного знакомого имени. Пришлось обратиться к знатоку, который и указал мне на княжну Софию Чхартишвили. «Все-таки женщина!» — подумала я. «Какой женщинин, — ответил знаток. — Григорий, зам. главного «Иностранки». Естественно, после этого я по совету того же знатока приобрела книгу Григория Чхартишвили «Писатель и самоубийство» и, чувствуя себя носителем эзотерического знания, ходила с ней в людные места.

В газете «Ведомости» Лев Данилкин написал так: «Накануне саморазоблачения Григорий Чхартишвили, известный до последнего момента широкой публике как переводчик с английского и японского, автор нашумевшего исследования «Писатель и самоубийство», а также заместитель главного

редактора журнала «Иностранная литература», дал интервью «Ведомостям». А дальше скучное-скучное интервью. Я так и не поняла, где произошло это самое саморазоблачение, — в газете или где-то еще, но точно, что детектив с Б-б-акунином как-то внезапно оборвался. Правда, потом в «Известиях» Данилкин, видимо, не поверив собственному разоблачению, предложил еще кучу кандидатов на авторство. Но даже упоминание Хакамады не спасало интригу. Сказали Чхартишвили — значит, Чхартишвили.

И вдруг приглашение на толстом пергаментном листе: «...только острые умы России могут спасти ее... коронация Его Величества... Россия на распутье... Вы приглашены... Тайное заседание... председатель — сынщик и джентльмен Эраст Фандорин... член попечительского совета — Б. Акунин будет присутствовать... инкогнито... ресторан «Обломов».

О чём речь, конечно, приду и спасу, подумала я и отправилась в ресторан.

Приятная ненавязчивая стилизация под прошлое. Тусклый свет, приглушенная музыка. У входа в ресторан потрепанный старичка в потертом камзоле предлагает приглашенным выпить водки. Позже станет ясно, что это Захар, слуга Обломова. Девушки в старинных юбках и фартуках изображают служанок. У одной

из них в кармане фартука начинает звонить мобильник. Девушка, смущившись, убегает.

Издатель всей серии детективов о Фандорине — Захаров — дает интервью телевизионщикам.

— Скажите, как он выглядит?

— Не знаю, — растянуто отвечает Захаров, — он очень непредсказуем!

— Может быть, он — женщина, может, он здесь?

— Не знаю.

— Может, это вы?

— К сожалению, нет! Могу сказать только одно...

— Скажите!

— Не секрет, что Б. Акунин часто бывает на этой улице. Не секрет, что он иногда заходит в «Иностранную литературу»...

Озираюсь в поисках обещанного инкогнито. Вот некто рыжий и лысый, а вокруг фотографы. Пробиваюсь в круг. «Б. Акунин?» — подмигиваю одному из фотографов. «Какое там... Муж Ренаты Литвиновой», — подмигивает мне фотограф.

Дальше всем раздают «Правила игры». Игра подозрительно напоминает жизнь, это голосование за особый путь России. Правда, варианта целых три: просвещенная монархия, диктатура закона или же нигилистическая анархия. У урны с просвещенной монархией Захар. За диктатуру закона агитирует якобы Фандорин, блондин с наклеенными черными усами (где же, где же седые виски и мужское обаяние). За нигилистическую анархию почему-то Штолц: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим. Надо отдаваться природе, она сама урегулирует наши отношения. Прямо здесь, прямо сейчас». Сейчас очень не хочется, и я отдаю свой голос монархии. Все-таки просвещенная...

Мелькают Рената Литвинова, Иван Демидов, Евгений Киселев и другие ньюсмейкеры, однако поддержка приходит с неожиданной стороны.

«Мягко, но решительно отстранил корреспондента и...» «Я за монархию. Я монарх! Я за Обломова! У меня тоже дома халат и тапочки!» Ба, сам Жириновский. Рядом Захар с водкой. Выпил рюмку, выпил две...

«Вот тебе и просвещенная, вот тебе и стилизация, вот тебе и разоблачения», — подумала я и двинулась к выходу. «Никаких «ножек Буша», никакой китайской тушени — всем парные гуси!» — неслось вслед.

Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!!

Екатерина КРОНГАУЗ